

Annotation

Даже если вы попали в другой мир и местные пытаются вас сжечь на костре, все равно есть два выхода:

Первый- умереть достойно, чтобы какой-то там их Бог вас принял.

Второй- стать ходячим проклятием для захватывающих в этот момент город викингов.

Что бы вы выбрали?

Вот   и я тоже...

Кстати, а где здесь можно помыться после костра? А кроме ручья?

А, ясно, спасибо, извините...

#местами   смешно

#иногда жарко и чувственно

#быт и вынужденное прогрессорство

#от   неприязни до большой любви

#мир, близкий к Скандинавии в эпоху викингов

Цикл: Попаданки в разные эпохи (читаются отдельно)

В   тексте есть:

от ненависти до любви, остроумная попаданка, заносчивый викинг

Добыча ярла Бьорка

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

Конец

Добыча ярла Бьорка

Ана Сакру

1

"Добыча ярла Бьорка"

Даже если вы попали в другой мир и местные пытаются вас сжечь на костре, все равно есть два выхода:

Первый - умереть достойно, чтобы какой-то там их Бог вас принял.

Второй - стать ходячим проклятием для захватывающих в этот момент город викингов.

Качнувшись, делаю ещё шаг в темнеющем пространстве. Может дымом этим надышалась? Станный он какой-то...Горький, густой...Всё плотнее... Что там Костя с этой чёртовой дым-машиной намудрил? Нас же родители убьют, если дети отравятся! Провели, называется, праздник...

Я не могу понять, кружится ли мир вокруг, так как исчезают все ориентиры кроме разноцветных неясных вспышек стробоскопа. Всё происходит так быстро. Сознание мутнеет за секунды. К горлу подкатывает паника. В глазах темнеет.

- Костя-я-я...- тонко хриплю не своим голосом, пытаюсь продышаться. Собственный голос далеким затухающим эхом проносится в ушах.

Гортань застилает копотью. Туман чернеет. Я пытаюсь сделать ещё шаг и проваливаюсь в бездну.

***

Первое, что ощущаю, выплывая из вязкой прилипчивой тьмы, - жар, удушье и копоть. Чёрный густой дым забивает лёгкие сладковатой вонью, дерёт горло, заставляет слезиться глаза. Пытаюсь проморгаться, силясь хоть что-то понять. Кожу печёт сильнее с каждым мгновением, словно я ступаю босыми ступнями в костёр. Рецепторы беспорядочно сообщают о боли, вспыхивающей по всему телу. Дергаю руками и понимаю, что не могу...Я вообще не могу пошевелиться! Я привязана!

Боже, что за...

Дёргаюсь сильнее. Точно, спина прижата к какому-то столбу, плечи ломит от сильно заведенных назад рук, в запястья впивается грубая толстая веревка, которую я нащупываю немеющими дрожащими пальцами, лодыжки тоже крепко связаны...

Паника окатывает ледяной волной, выступает липким потом вдоль позвоночника. Я ничего...Ничего не понимаю!

- Костя-я-я! - истерически ору, пытаюсь разглядеть что-то сквозь плотный дым перед глазами,- Костя! Нина!

Господи, да что же это...

Ноги печёт все сильнее, ступни колет...И я понимаю, что босая...И что стою на ветках...И что ветки эти...

- А-а-а-а!!!!А-а-а!!!Помогите-е-е!!! Горю-у-у!!!!А-а-а!!!!

Ужас. Самый настоящий, животный, непередаваемый. Я так ору, что оглушаю саму себя. Трепыхаюсь на столбе пойманной беснующейся птицей. Сквозь слёзы и дым наконец различаю какие-то фигуры - целую толпу молча смотрящих на меня людей. И они ничего не делают. Ничего! Сердце бьется как безумное. И я бьюсь вместе с ним в агонии. Мне некогда думать о том, что происходит. Я просто не хочу умирать!

- Пожалуйста! Кто-нибудь! Помогите!!!- воплю, что есть мочи, пытаюсь разглядеть хоть одного из окружающих меня людей более четко, установить какой-никакой зрительный контакт.

Я вижу, как шевелятся губы на их расплывающихся лицах. Но слух изменяет мне, и я не сразу понимаю, что стоящий гул в ушах – это не шум моей крови, а их мерные, словно механические выкрики. А когда до меня доходит смысл того, что именно они говорят, ужас оборачивается холодящей, придавливающей к земле обреченностью.

- Ведь-ма-ведь-ма-ведь-ма...
Кто? Я???

- Нет!!! С ума сошли??!!!- ору в ответ и реву, потому что лижущее пламя подбирается к пальцам ног. Мои распущенные, почему-то такие грязные волосы начинают скручиваться вокруг головы от жара, длинная странная юбка на мне тлеть.

- Не-е-ет! - я уже просто рыдаю.

-Ведь-ма-ведь-ма-ведь-ма...- несется равнодушным приговором со всех сторон.

Это просто сон. Дурной сон, это не по-настоящему...

Но мне больно, и нет ничего реальней этих ощущений!

И я не понимаю, как проснуться... Как?!

Темная мужская фигура отделяется от общей толпы, медленно подходя ближе. Пытаюсь рассмотреть человека сквозь копоть и слёзы, но не могу. Он - размытое пятно в синем балахоне, грузное, ковыляющее ко мне, опирающееся на кривой посох. Лишь белая борода, жидкая, почти до пояса, обозначенного кожаным шнуром, колышась на ветру, видна отчетливо. Старик останавливается в метрах пяти, и я почти четко вижу его лицо, морщинистое и равнодушное. Он поднимает свободную от посоха руку и указывает на меня.

-Время пришло, ведьма, угомонись, - его сиплый голос такой глубокий и властный, что затихает всё вокруг.

И даже я. Только глазами хлопаю, мечтая разглядеть старика

получше.

- Прими наказание за свои деяния достойно. И может не великая Мать, так хоть Буян уведет тебя в свои хладные чертоги. Он любит тех, кто с гордо поднятою головою является к нему,- продолжает торжественно вещать дед в балахоне.

А я понимаю для себя одно.

Из вышесказанного я заключаю, что меня действительно собираются поджарить. Я без понятия, откуда взялись эти психи на детском празднике и куда меня отвезли, но единственный шанс выжить - продолжить орать...И я продолжаю, не смотря больше на чокнутого деда, вещающего дальше, а судорожно вглядываюсь в безразличные лица остальных обступивших меня людей. Ну должен же здесь хоть кто-то быть нормальный! Ну хоть один!!! Мамочки, пожалуйста!!!
По-жа-луй-ста!!!

Отчаяние сковывает кольцом, нос щекочет отвратительный запах паленой кожи. Моей кожи, моей! Я и не думала, что способна так вонять! Боль раскаленными иглами атакует сознание. Настойчивые звуки колокола звучат набатом. Это наверно они меня пытаются

заглушить...Дыма становится слишком много, чистого кислорода слишком мало, и я с трудом понимаю, что вокруг вдруг все засуетились. Танцевать что ли собрались? Сектанты-извращенцы...Или просто расходятся?
Дальше не интересно?

Чужие крики с трудом долетают до моего мозга, охваченного паникой. Тем более, что галдящий колокол не желает замолкать. Ноги ошпаривает кипятком, я чувствую, как шипит моя собственная кожа. Где-то в глубине рождается спасительное смирение. Это конец...Я почти отключаюсь. Думаю, что вот сейчас очнусь на полу детского центра и засуну в одно место Косте его дым- машину, и...

Меня с ног до головы обдает ледяной водой. Я хватаю воздух как рыба, отряхиваюсь и пытаюсь хоть что-то разглядеть сквозь плотный белый дым от затухающего костра. Первое, что вижу - цепкие выцветшие глаза старика, подошедшего совсем близко и взирающего на меня снизу- вверх. За его спиной выхватываю, мазнув взглядом, двух пареньков в льняных рубахах и свободных подкатанных штанах. У одного в руках два пустых уже ведра, у другого - большой факел. Невольно сглатываю, замороженно смотря на беспокойный огонь на конце палки, и отвожу глаза, рассеянно озираясь по сторонам.

Я, оказывается, нахожусь на небольшом голом пятачке, окруженном деревянными кособокими хижинами. Что-то вроде деревенской площади, наверно...Все здания одноэтажные, с покатыми, чаще соломенными крышами. Лишь вдали виднеется пара вышек с установленными на них странными круглыми колоколами, в которые сейчас отчаянно звонят.

Вокруг царит паника, люди беспорядочно бегут, сталкиваясь друг с другом, таща на себе какие-то мешки, прыгая в повозки. Все кричат, хватаются за головы и плачут, прячут под грубые плащи детей, тянут за собой лошадей сквозь беспорядочную толпу.

Я словно попала на съемки какого-то исторического фильма...Дурдом...

- Хочешь жить, ведьма? - вкрадчиво интересуется старик, вновь забирая всё моё внимание.

- А? - перевожу на него ошалелый взгляд.

- Жить хочешь, злыдня рыжая, али тебя до конца запалить? - зло щурится противный старикашка и оборачивается к пареньку с факелом, - Елейка, ай-да!

- Не- не-не! Не надо ай-да! - воплю я, дергаясь на своем несчастном столбе, - Хочу! Хочу, конечно!

- Тогда так, ведьма. Исполнишь мою волю...- цедит седобородый и останавливает властным жестом поднесшего уж было факел к хворосту парня.

Я облегченно выдыхаю, наблюдая, как паренёк опускает факел и отступает на пару шагов. Ощущение, что я участвую в каком-то розыгрыше, становится лишь сильнее. Жаль, что просто нет времени это нормально обдумать. Наверно, на это и рассчитано...

- Ты сказала, ведьма, что погибнет всякий, кто будет владеть тобой, так? И от этого сгинул наш Голова? - нараспев произносит седобородый, сдвигая на переносице кустистые брови.

- А, что? - чёрт, ну вот опять я не слушала, задумавшись.

Какой всё-таки динамичный сценарий...Полное погружение...Ещё эти крики и паника вокруг. Массовка, бесспорно, шикарная...Кто вообще мне это устроил? Ожоги на ногах самые настоящие - ноет невероятно...Это перебор уже для любого квеста...Убью...

- Слушай сюда, девка! - вдруг рявкает дед и с размаху лупит меня по плечу своим посохом.

От шока я только широко распахиваю рот и пытаюсь вытолкнуть из груди вставший комом воздух. На глаза невольно наворачиваются

злые слёзы, сквозь которые я возмущенно смотрю на своего обидчика.

у человека явные проблемы с пониманием границ дозволенного...

- Во-о-от,- удовлетворенно тянет старик, ничуть не смущенный тем, что только что ударил женщину,- Три луны, так? Три луны быть твоим хозяином - смерть...

Я на это ничего не отвечаю. Вообще плохо понимаю, о чем он там толкует. Ну, луна - месяц, наверно...

- Пусть же тогда тебя варравы и забирают...Ежели живой доведут, то сами от тебя и сдохнут,- злобно скалится старик, тускло сверкая из-под лохматых бровей водянистыми глазами,- Ну а насильничают прям тут, так туда тебе и дорога...Елейка, от столба отвяжи её и ноги с руками, чтоб не поняли, что её жгли! Пушай побегает...

На морщинистом лице деда расцветает похабная улыбка, он плюёт себе под ноги, бросив на меня исподлобья прощальный тяжелый взгляд, и торопливо уходит, больше не оборачиваясь. Парнишка с пустыми ведрами спешит за ним. Еще мгновение и они оба растворяются в суматошной толпе, в которой все меньше обычных людей, и все больше вооружённых мужчин в жестяных доспехах.

Звуки кругом постепенно сменяют тональность. В них уже не ужас и паника, а боль и ярость. Звон битвы - металла и глухих ударов подбирается все ближе, стоит в ушах. Названный Елейка, что-то бормоча себе под нос, кидает горящий факел на пыльную землю, выхватывает кривой ножик из-за пазухи и подлетает ко мне. Я испуганно охаю, но белый как мел, продолжающий тихо бормотать парнишка режет только веревки, связывающие меня, дрожащей рукой.

- Великая Мать...Великая Мать...Да что ж ты будешь делать...Быстрее...быстрее...

- Это скоро кончится? - интересуюсь у парня звенящим от переизбытка эмоций голосом,- Эй, Елей, что у вас тут вообще? Эй!

- Варравы...- он вскидывает на меня круглые, полные ужаса глаза и тут же отворачивается, нагибаясь к ногам.

Я с наслаждением повожу затекшими плечами и тру онемевшие, покрытые ссадинами и следами от пут запястья. Звуки идущего на улицах боя уже такие отчетливые, что воображение само дорисовывает невидимую пока мне картинку, а по спине начинает струиться холодный пот, заражая слабостью всё тело.

- Варравы это кто? - интересуюсь я нервно, вглядываясь в конец ближайшей из улиц, змейками ползущих от городской площади.

Сердце обрывается и ухает в мои поджаренные пятки. Вдалеке я вижу настоящий бой! Если это реконструкция, то ребята однозначно заслужили Оскар. Людское месиво напоминает кишачий темный пыльный клубок отчаяния, ярости и боли. Сверкающие мечи и топоры слепят бликами на солнце, свистят визгливым скрежетом в воздухе и глухо ухают, погружаясь в живую плоть. Запах пота и крови щекочет мои ноздри, забивается под кожу.

Я...Я застываю в шоке.

Я вижу смерть...Я вдруг отчетливо понимаю, что это не розыгрыш, что я наверно сошла с ума, но это...

Теперь вот это - моя реальность.

И, судя по тому, как побежали одни воины в попытке выжить, и как нагоняют их с диким гиканьем другие, огромные, раскрашенные сажей, бородатые, бесчеловечные...В этой реальности мне осталось жить считанные секунды...Твою мать...

- Твою Мать! - взвизгивает Елейка, озвучивая мои мысли. Оборачивается и падает к моим, слава богу, развязанным уже ногам с застрявшим топориком в спине.

Я лишь мгновение заморожено смотрю, как на его грязной льняной рубахе расцветает бордовое пятно вокруг торчащего из тела топора, а потом задираю подпаленный подол и бегу. Не понимая куда, не обращая внимание на боль в обожжённых ступнях. Стопы заживут, а дырка между лопаток вряд ли... Боженька, что ж творится - то, а??? В боку отчаянно колет, в ушах болезненно звенит, но это просто факты, не способные меня остановить. Ничего меня не остановит, кроме...

- О, баба! - раздаётся радостный бас прямо за спиной, а потом кто-то резко дёргает меня за платье, и я падаю на пыльную каменистую землю.

Затылок простреливает дикой болью. Мир вспыхивает красным и меркнет. Спасительная чернота. Хоть бы дома очутиться. Пожалуйста!

2

Дурнота подкатывает раньше, чем ко мне окончательно возвращается сознание. Она колышется внутри, набегая словно прибой. Сильнее-слабее-сильнее... В такт гулким звукам, напоминающим удары в там-там или большой барабан. Бом-бом-бом...

И в затылке боль пульсирует с той же скоростью...

Я вдыхаю вроде бы свежий влажный воздух, прислушиваюсь к окружающим меня отрывистым мужским голосам и различным скрипам, бессвязно молюсь и открываю глаза. Первое мгновение щурюсь от нещадно яркого солнца, быстро озираюсь и со скорбным

стоном смыкаю веки опять.

Я не матерюсь, но б...лин.

Теперь я четко чувствую всё и сразу. И вновь связанные за спиной руки, и то, что сижу я на дощатом плохо ошкуренном полу, и как лопатки упираются в какой-то твёрдый мешок. Как ноют обожжённые стопы, и что дурнота вызвана качкой, потому что я куда-то плыву на узкой большой лодке или ладье, я не очень разбираюсь... А вокруг пахнет не только свежестью воды, но и забористым мужским потом, а ещё невымытыми телами.

Я должна была очнуться дома, но мой личный ад продолжается...

Я связана, беспомощна и захвачена толпой бородатых вонючих мужиков, только что вырезавших целое поселение.

Хочется малодушно начать спрашивать "за что", заламывая руки и воя на луну. Вот только, боюсь, спрашивать не у кого, руки связаны, да и до наступления ночи ещё далеко...

Аккуратно приоткрываю глаза в попытке незаметно оглядеться. Лодка оказывается действительно огромная и длинная словно венская сосиска. С высокой мачтой посередине, свернутым за ненадобностью темным парусом и низкими бортами. Такими, что страшно подползать ближе - можно и вывалиться ненароком. А ещё вереницей из весел и гребцов по бокам ближе к носу корабля. На самом же вздернутом резном носу расположился огромный седой дядька, мерно бьющий в широкий плоский барабан, чтобы задать гребущим воинам темп. Я сглатываю, невольно очаровываясь тем, как ладно и с виду легко у них выходит ворочать бесконечно длинные, тяжелые весла. Лодка будто птица летит по глади воды, размеренно махая деревянными веерами-крыльями. Мужские могучие плечи в едином порыве напрягаются, заставляя весла взмыть ввысь, а потом плавно утонуть в тёмной, играющей солнечными бликами, пенящейся воде.

Мой взгляд выхватывает небрежные перевязки на телах гребущих воинов, подмечает засохшие пятна крови на их грязной одежде. Память подсовывает картинки недавно увиденного боя, и меня пробирает дрожь...

Они мне точно не друзья...Вспоминаю слова деда, пытающегося меня поджечь, о возможном изнасиловании и вдоль позвоночника выступает липкая испарина. Чёрт...Должен же быть выход...Должен...

Я аккуратно поворачиваю голову, стараясь незаметно осмотреться дальше. И обнаруживаю рядом с собой других захваченных людей. В основном молодых женщин, но есть и парочка сильно избитых, связанных мужчин. Нас разместили в середине лодки, вокруг протыкающей синее небо мачты. Среди пленников царит угнетающая тишина. Возможно, разговоры запретили...Вижу только, как у некоторых беззвучно быстро шевелятся губы. Наверно, молятся своим

Богам. Почти у всех женщин разодраны платья, видны голые грязные ноги, у кого-то вывалилась грудь, лица опухли от синяков, ссадин и слез.

Мне становится дурно. По- настоящему. К горлу подкатывает противный кислый комок, головокружительная слабость разливается

по телу. Похоже, от их участи меня спасло только то, что я потеряла сознание. Но я ведь не смогу находиться «в обмороке» вечно! Не смогу...

Я пытаюсь чаще дышать, но тошнота из-за качки и охватившей паники становится всё сильнее. Жадно тяну воздух, крепко зажмурив глаза. Я пытаюсь дышать тихо. Пытаюсь, но через пару секунд чья-то тяжелая пятерня всё равно падает мне на плечо, вдавливая в палубу. Щеку щекочет несвежее влажное дыхание, а у самого уха раздаётся уже слышанный мной до этого насмешливый бас.

- Оклемалась, рыжая, а?

Я замираю, не находя в себе сил повернуться и взглянуть в лицо склонившемуся ко мне мужику. Мне хватает и густой вони, исходящей от него, а ещё ощущения брызнувшей мне на лицо слюны в тот момент, когда он заговорил. Дурнота берет новую, недоступную мне ранее высоту. Перед глазами плывет от усилий сдержаться и не вывернуть на палубу содержимое желудка.

- Ну что? - продолжает мужик, хохотнув, будто не замечая моих мучений. Хотя, скорее всего, ему просто всё равно.

- Приголубишь дядюшку Олафа, а, рыжуха? А то тяжелая как Йети. Чуть не издох, пока до дракира тебя тащил! Пошли под навес. Давай, пошла!

-Я не...Я...

Пытаюсь судорожно что-то придумать, но грузный Олаф уже дёргает меня за плечо вверх как тряпичную куклу. И, стоит мне встать на ноги, смачно шлепает по заду, задавая нужное ему направление.

- Давай, малышка, вон занавесь видишь? Не обижу,- ржёт мой кавалер, почесывая свой выступающий круглый живот,- Дядюшку Олафа все шлюхи любят!

- Я-я-я...- нечленораздельно мямлю, пока "дядюшка Олаф", панибратски обняв меня за плечи, тянет к произвольному навесу из парусины и шкур в хвосте лодки.

Мажу растерянным взглядом по разом отвернувшимся от меня другим пленникам, и перевожу взор на компанию воинов, отдыхающих на корме рядом с навесом, в который меня тащит Олаф.

Эти смотрят прямо, оценивающе, посмеиваясь в свои бороды и пиная друг друга в бока. Смотрят так, будто на Олафе всё не закончится... Колени превращаются в желе, ноги подгибаются. Дикая мысль попробовать вырваться и броситься в воду в первую секунду кажется удачной. Вот только руки связаны... Ещё каких-то пара шагов, и я окажусь у навеса...Нет, это всё точно сон. Какой-то дурацкий, жестокий сон...

- А ты храбрый смотрю, Олли. С ней...Я б не рискнул...

Насмешливый низкий голос одного из воинов вибрацией отдаётся у меня в груди. Я резко поворачиваю голову к отдыхающим мужчинам, пытаюсь определить, кто из них заговорил. Взгляд тут же замирает на том, что сидит в центре, вальяжно облокотившись на бочку и поигрывая кожаной флягой в руке. Возможно потому, что этот молодой мужчина слишком сильно внешне отличается от своих светловолосых бородатых спутников. Смуглый брюнет со слегка раскосыми восточными глазами и почти без растительности на лице. А возможно потому, что эти раскосые черные глаза сейчас сверлят меня в упор словно алмазный бур мягкую породу.

- С каких это пор ты стал бояться девок, Бьорк? - хмыкает с сарказмом Олаф, но все же притормаживает перед самым навесом, убирая ручищу с моего плеча и перехватывая за локоть.

На тонких губах брюнета расцветает нехорошая улыбка. Черные глаза медленно соскальзывают с меня и устремляют свой пронизывающий взгляд на моего кавалера.

- Девки- нет, но твоя-то ведьма. Причем уже подпаленная.

И он выразительно смотрит на мои ноги и черный подол, ухмыляясь шире. Вокруг вмиг становится тихо. Даже гребцы застывают, открывая рты. Лапа Олафа моментально исчезает с моего локтя, а сам он проворно отпрыгивает на полметра, проявляя удивительную юркость для своих габаритов. Сотня ошарашенных глаз направляется только на меня. Над головой тоскливо кричит пролетающая чайка.

- Точно ведьма...- бурчит в светлую бороду рядом сидящий с ухмыляющимся брюнетом худосочный мужик,- Рыжая ж! И костёр там на площади был...Пустой... Великий Ордин...Это ж мы...Ведьму везём, братки??? Что ж делается -то, а?

- Ведьма...Ведьма...Ведьма...- зашептали испуганно со всех сторон.

- За борт её,- взвизгивает Олаф как-то совсем по- девчачьи.

На это я не могу сдержаться и окидываю его презрительным взглядом. Только что приглубить хотел, не обидеть обещал, а чуть что, так сразу за борт. Мужики...

- Да!!! За борт!!! За борт!!! За борт!!!- дружно орут остальные, оживившись.

Я закатываю глаза к небу. Да это кончится когда-нибудь, а? Я уже даже бояться не могу. Устала...За борт так за борт...

- Не надо за борт, я возьму,- лениво приподнимается с палубы брюнет, не отводя от меня своих черных внимательных глаз.

Таких внимательных, что идея с «за борт» начинает мне казаться не такой уж ужасной. Тяжелый взгляд приближающегося ко мне воина будто обещает, что у него есть варианты поинтересней...А у меня после угроз сгореть, утонуть и быть изнасилованной воображение уже отказывает в попытке придумать, что может ещё приключиться.

- Зачем тебе ведьма, Бьорк? – удивленно бормочет Олаф, - Она ж наверно проклята!

- Так и я тоже, - хмыкает в ответ этот самый Бьорк и дергает подбородком, приказывая, что бы шла за ним.

Сама не понимаю почему, но я, не задумываясь, подчиняюсь.

***

Миновав компанию отдыхающих воинов и пройдя на противоположную сторону кормы, где были свалены мешки с награбленным, брюнет усаживается прямо на палубу и облакачивается спиной о деревянный борт. Щурясь от яркого солнца, задирает голову вверх и с любопытством меня разглядывает. Я цепляю в замок и без того связанные руки и туплю глаза в пол. На всякий случай...Я не знаю, кто он такой, не знаю, как у них принято женщинам обращаться к мужчинам, а пленникам к захватчикам. Ничего не знаю, кроме того, что борт, за который меня тут все минуту назад мечтали скинуть, находится прямо за спиной этого человека...

Брюнет хмыкает, видимо, сделав для себя какие-то выводы, и тянется за фляжкой, болтающейся у него на поясе.

- Как зовут? - интересуется, делая большой глоток.

Сквозь опущенные ресницы я замороженно слежу, как дёргается его кадык. У брюнета крупная сильная шея. Он весь крупный, но не грузный как Олаф. Впрочем, он ещё молодой. Точно до тридцати. Может быть мой ровесник, может чуть старше...Длинные руки, ноги, пальцы. Высокий. Я ему по плечо наверно прихожусь...Аккуратные усы, короткая бородка. Странно, тут все с такими лопатами на лице, а этот почти бритый. Не растёт? Возможно...Судя по внешности, в нём течёт азиатская кровь. Хотя не уверена, что у них тут есть Азия...

- Глухая? - в низком голосе брюнета прорывается раздражение.

- Ольга,- выпаливаю, выплывая из своих раздумий. Вечно я не
вовремя ухожу в себя...

- Хельга...- удовлетворенно коверкает он.

- Ольга,- хмурясь, поправляю.

- Хельга,- чеканит с нажимом.

Я закатываю глаза и сдаюсь. Господи, да, пожалуйста. Если хочешь, буду для тебя Хельгой...

- Садись, Хельга,- благодушно предлагает брюнет, расплываясь в довольной улыбке из-за моей уступчивости и хлопая ладонью по палубе рядом с собой.

Я неуклюже пристраиваюсь, куда велели. Оказывается, присесть со связанными впереди руками и подгорелыми ступнями - то ещё удовольствие. С наслаждением вытягиваю ноющие от ожогов ноги и облакачиваюсь спиной о борт. Солнце тут же ласково печет подставленное лицо, ветерок колышет растрепанные волосы. От соседа моего по сравнению с Олафом вообще не воняет (запах свежего пота не в счет- после всего унюханного ранее он даже приятен), и жизнь сразу как-то кажется веселей...

- Пей,- брюнет тычет мне прямо в нос свою флягу.

- Не хочу, спасибо,- вздыхаю я.

- Пей, сказал,- тут же с угрозой произносит воин.

Я недовольно кошусь на настырного соседа. Он всегда просто повторяет предложения, пока не добьётся нужного результата? Но флягу из рук всё-таки принимаю. Брюнет тут же опять довольно улыбается и достает из кармана какую-то деревянную резную трубочку. Насыпает из маленького мешочка туда сухую траву, чиркает двумя камешками, выбивая искру, и глубоко затягивается. В воздухе

растекается смоляной запах, похожий на дым от кальяна. Я отворачиваюсь и делаю глоток из предложенной фляги. По горлу тут же бежит что-то невероятно крепкое, просто огненное. Из глаз брызжут слёзы, пищевод дерет, но вместе с тем и расслабляющий жар приятно расплзается по телу. С трудом проглатываю и отдаю флягу хозяину, вновь облокотившись спиной о борт...

Щурюсь, наблюдая за пролетающей птицей... От крепкого алкоголя в голове мягко и спокойно звенит. Становится почти хорошо... Чувствую на себе любопытные недобрые взгляды других воинов, но стараюсь об этом не думать. Надо прийти в себя и

потихоньку
исправить...

соображать где я и как это

-На, ожоги смажешь, - лениво тянет мой спаситель через минут
пять молчания. И кладет мне на колени маленький горшочек,
закрытый плотной тканью.

- Спасибо, - бормочу я и ловлю на себе его внимательный,
насквозь пронизывающий взгляд, от которого вдоль позвоночника
ползут ледяные мурашки. Хочется спросить, что не так, но я не
решаюсь. Вместо этого отворачиваюсь,
делая вид, что не заметила.

-За что именно тебя жгли, Хельга? - вкрадчиво интересуется воин.

Склоняется ко мне ближе, обдавая щеку своим теплым дыханием.
Теплым дыханием, от которого у меня мороз по коже. Я кусаю губу,
пытаюсь быстро придумать ответ, после которого меня не будут снова
пытаться скинуть за борт или изнасиловать... В памяти всплывают
слова старика про три луны и смерть их Головы, владевшего мной.
Если я сейчас расскажу, то вряд ли брюнет просто подарит мне
свободу. Скорее, решит скормить рыбам,
опасаясь той же участи...

- Я рыжая,- глухо сообщаю я, не смотря на него.

- И дожила такой до приличного возраста,- резонно хмыкает
брюнет, а я вскидываю на него возмущенный взгляд.

Мне показалось, или кто-то сейчас обозвал меня старой???

Карие восточные глаза жадно путешествуют по моему лицу, будто
способны увидеть ответы и без моих слов. На губах брюнета играет
легкая улыбка, но в сочетании с цепким взглядом она выглядит
угрожающе. Я молчу, поджимая губы.
Боюсь себе навредить и не знаю,
что ещё сказать. Брюнет вздыхает и хлопает себе по коленям, вставая.

- Я - ярл Бьорк Хотборк,- говорит он ровно, возвышаясь надо
мной. Легонько пинает моё бедро носком сапога, - Теперь твой хозяин.
Олафу я заплачу. Приплывем в Гатлуг мы через два дня. Так что у тебя
есть время подумать, ведьма, кем ты будешь при мне. Откроешь свой
дар и станешь полезной или же...

Он снова криво усмехается, и снова улыбка не доходит до его
цепких черных глаз.

- ...быть тебе бесправной рабыней, делающей всю грязную работу
и удовлетворяющей любого из свободных мужчин, живущих при моём
дворе. Проклятий я твоих не боюсь. Спалить и сам успею. Решай. Два
дня, Хельга. Два дня...

***

- Доброе утро. Как спала, Хельга? - Хотборк садится напротив меня на корточки и кладет на мои колени кусок темного хлеба с вяленным мясом. Протягивает флягу с водой, пристально следя исподлобья за выражением моего лица.

- Нормально,- бросаю севшим от долгого молчания голосом и тяну зубами мясо.

Жесткое. Как и палуба, на которой я спала, укрывшись лишь тяжелым грязным плащом, брошенным мне Хотборком вчера ночью. Наверно, он ждал благодарности за свою заботу, но у меня её нет. Слишком ломит каждую косточку для этого. Ноги не сразу слушаются, когда пытаюсь их вытянуть. Противные колющие мурашки жгут

крапивой затекшие конечности, и я невольно кривлюсь, отпивая воду из фляги.

- Готова к разговору? - интересуется Бьорк, холодно улыбаясь одними губами.

- Ты вчера сказал, когда приплывем,- хрипло отвечаю, откусывая хлеб.

Он тут же перестаёт ухмыляться. Черные глаза опасно мерцают, заставляя нервничать.

- Зачем тебе ведьма? - спрашиваю его в свою очередь. Знать бы его цели, и всё могло бы быть гораздо проще.

- А ты она? - тут же интересуется Хотборк. Я молчу.

- Лучше бы тебе ей быть, Хельга, - с тихой угрозой произносит он, - Приплывем на рассвете. Остался день.

И резко встаёт, выхватывая из моих рук флягу.

Я снова остаюсь одна. Кроме Хотборка никто здесь ко мне даже не подходит, не то, что разговаривает. Воины подозрительно косятся и, стоит мне перехватить их тяжелые взгляды, тут же отводят глаза. Пленники вообще откровенно побаиваются, с суеверным ужасом поглядывая в мою сторону. Я же, пользуясь моментом, наблюдаю и пытаюсь понять, что происходит, и как быть дальше. И кое-какие открытия уже сделала.

Первое и самое важное: я это я. У меня такие же волосы, только гораздо длиннее, почти до пояса, такой же голос, такое же тело, на ощупь такое же лицо. Возраст тоже примерно тот же, и это не могло не

радовать. Больше шансов, что всё происходящее просто мой бред, и скоро я очнусь. Может я в коме?

Правда, на левой ноге длинный белый тонкий шрам - у меня такого раньше не было, но это ведь мелочи...

Открытие второе: я знаю и говорю на разных языках. Большинство пленников в отличие от меня воинов не понимало совсем. Лишь отдельные часто используемые слова: еда, вода, смерть... На что-то большее они только открывали рты и растерянно хлопали глазами.

Яркий пример был, когда вчера вечером Хотборк подошел к пленникам, уютящимся у мачты, и спросил их, почему меня хотели сжечь. Но захваченные люди лишь стали жаться друг к другу, мотая головами и показывая, что не понимают воина. И только какой-то мужчина коряво заговорил.

- Она... Голова... смерть...- прокряхтел он, - Ведьма!

И сплюнул, кинув на меня быстрый, полный то ли ужаса, то ли злобы взгляд.

- А как он умер? - уточнил Хотборк, совсем не смутившись от такого заявления, а как-то даже наоборот...Повеселев что ли...

- Лошадь...упал.

Хотборк нахмурился.

- А она причем?

- Ведьма,- упрямо повторил мужик.

Ярл махнул на него рукой и повернулся ко мне, спрашивая с щемящей надеждой в низком голосе.

- Ты убила?

- А надо, чтобы я? - искренне поинтересовалась в ответ.
Если да, мне ведь и не сложно сказать, что я, правда?

Но Хотборк только пробормотал какое-то проклятие с досады и отстал тогда и от меня, и от мужика. А я продолжила судорожно размышлять, как избежать участи рабыни. Идеей у меня не было... Вернее была одна, но в успех её мне верилось слабо. Впрочем, выбора у меня всё равно, кажется, не было тоже...

Доев свой скудный завтрак, я прикрываю глаза, откидываясь головой на низкий деревянный борт. Ладю качает заметно сильнее, чем вчера, и от этого в животе неприятно разбухает, а содержимое желудка грозит подступить к горлу. Приходится мелко дышать, чтобы подавить дурноту. На висках выступает липкая испарина, тело разбивает противной слабостью.

Никогда. Не любила. Морские. Прогулки. Никогда...

Из закоулков памяти пред внутренним взором всплывает солнечный день, проведенный в Греции в прошлом году. Как Женя, мой бывший, потащил меня на морскую рыбалку, уверяя, что это будет весело и красиво. И я смогу позагорать на яхте, сделать кучу классных селфи и поплавать в открытом море, прыгая прямо с борта. На деле же яхта оказалась хлипким рыболовецким суденышком, на котором нещадно качало. Прыгать с него нам запретили, потому что со всех бортов свисали удочки и рыболовные сети. А селфи мне делать было некогда и бессмысленно, потому что большую часть времени я провела перегнувшись через борт и теряя свой завтрак в синей волнующейся воде, пока капитан не нашел мне таблетки от укачивания...Да-а-а...С Женей после Греции мы, кстати, расстались...

Это словно в другой жизни было, хотя я в этом странном месте всего сутки.

Будто и не со мной...

Немного придя в себя, щурясь, приоткрываю глаза и тут же закрываю обратно. Яркое солнце ещё слепит сквозь сомкнутые веки, окрашивая темноту красными пятнами, но туч на горизонте всё больше с каждой минутой. Они медленно наползают на лазурное небо тёмными клубящимися исполинами, грозя не оставить ни одного

светлого кусочка. Порывы ветра становятся все сильнее и прохладней. Пронзительные жалобные крики чаек оглушают. В голосах суетящихся на борту воинов пробивается тревога. И страшное слово "шторм" произносится шепотом.

- Поднажмё-ё-ём,- зычно командует седой бородач, бьющий для гребцов в барабан, и задает более скорый темп.

Мужчины, громко выдохнув как один, налегают на весла. Их кожа начинает блестеть от пота. В воздух вплетается запах разгоряченных тел. И страх. И мне тоже страшно. Я в каком-то чертовом корыте! Это всего лишь лодка, низкая и длинная, совсем не внушающая доверия, а волны за бортом всё выше. Вода почернела, словно само море сердится на нас. Небо сереет на глазах, даже пока ещё светящееся солнце будто заволкло мутной дымкой.

Так проходит час, другой... На горизонте стеной льёт, но до нас пока не доходит. Никто почти не разговаривает - все тревожно вглядываются в почерневшую даль. Лишь усталые громкие выкрики гребцов и быстрый темп барабана разносятся в сгустившемся воздухе. И шум разбивающейся о борт темной воды, иногда переливающейся через на палубу - так высоко поднимаются пенные гребни. Я вся мокрая уже от этих волн, но вставать из своего закоулка страшно. Тут веревки, и есть за что держаться...Время невыносимо медленно ползет. Я думала, буду бояться наступления утра, потому как, стоит сойти на землю, и мне придётся объясняться с ярлом, но сейчас я мечтаю о суше как никогда.

- Ближе к берегу надо, - бросает кто-то из гребцов.

- Нет, мы мимо Хебюди, там подводные скалы и мель...- отвечает другой.

Тихий злой вздох, и вновь только удары барабана.

- На, поешь.

Бьорк появляется неожиданно, загораживая своей массивной фигурой затянутое серой хмарью солнце.

- Я не голодна...- качаю я в ответ головой, силясь разглядеть его лицо.

Приставляю козырьком ладонь ко лбу, вскидывая подбородок вверх и щурясь. Льняная рубаха Бьорка мокрая от брызг воды и пота. От мощного тела пышет жаром, во всей позе сквозит злая усталость. Я видела, что сразу после завтрака Хотборк заменил одного из гребцов, выбившегося из сил. И отошел от весел, получается, только сейчас.

- Спасибо за мазь, помогает, - добавляю вежливо, чтобы сгладить свой отказ, и киваю за заживающие ступни.

Мазь действительно творила чудеса. Никогда не видела, чтобы ожоги сходили так быстро. Если бы я верила в волшебство, я бы решила, что это оно. Хотборк даже бровью не ведет в ответ на мою благодарность, только снова тычет куском сыра мне прямо в нос.

- Ешь сейчас,- повторяет сурово.

- Да не хочу я!

- Потом поздно будет, - и опять целится едой в мой несчастный носик.

Да что он настырный такой! Я успеваю увернуться и кидаю на своего "хозяина" полный возмущения взгляд. Он на это страдальчески вздыхает и закатывает глаза, всем видом показывая, как ему со мной - дурой тяжело.

- К ночи шторм нас нагонит. Будет рвать, если позже. И так зеленая,- цедит сквозь зубы "хозяин". И опять чертов сыр прилетает мне прямо в лицо вместе с напутствием,- Сейчас ешь, Хельга.

Я сдаюсь. Не потому, что вняла его доводам, а потому что у меня складывается стойкое впечатление, что иначе в меня этот несчастный сыр насильно затолкают, а такого унижения я не переживу. Показательно откусываю большой кусок, хмуро смотря на моментально криво заулыбавшегося Хотборка и тщательно жую. Про себя отмечаю, что сыр, хоть и твердоват, невероятно вкусный...Второй раз откусываю с уже большим энтузиазмом. В желудке довольно муркает, и это злит. Почему какой-то неотесанный средневековый дядька знает, когда я голодна лучше, чем я сама.

Хотборк в это время садится рядом, случайно или специально вжимаясь в меня влажным от пота плечом, и я с опаской кошусь на воина. Отодвинуться не решаюсь. Возможно, он не замечает даже, такой усталый и задумчивый у него вид. А вот буду ёрзать- точно заметит... Ярл трёт лицо ладонями и глухо интересуется.

- Может ты погоду заговаривать умеешь, а, Хельга? Была бы неплохо. Ульрих может. Как ближе подойдет- начнет, но он мужчина...Может, поможешь ему?

- И что, что мужчина? - не понимаю я.

Бьорк кидает на меня подозрительный взгляд.

- Значит слабее...У вас разве не так же?

- Мужчины слабее женщин? - мне становится так весело, что я издаю хрюкающий смешок. В голове проносятся образы парочки моих непутевых приятелей.

- Да-а-а, часто так же...О-о-очень часто!

- Я про колдовство,- возмущенно рыкает воин, сжав кулаки.

- Насчет этого не знаю,- примирительно пожимаю плечами, сдерживая улыбку. А то у моего собеседника уже желваки заходили...

Бьорк молчит, щурясь и препарируя пытливым взглядом моё лицо.

- Значит, не поможешь? - вкрадчиво повторяет.

-Я не умею...

- А не ты вообще наслала? - совсем тихо спрашивает, поглядывая на двух воинов, сидящих ближе всего к нам,- Нашептывают, что ты...

- Да не умею я! - я наоборот повышаю голос от возмущения,- И мне что? Жить надоело?!

Хотборк криво ухмыляется и смачно сплевывает прямо рядом с моей босой ногой...Свин.

- Ну, раз не надоело...

На этом встаёт и уходит опять на весла, оставляя мне после себя флягу с водой и новую пищу для размышлений.

***

Как и предсказывал Бьорк, шторм настиг нас на закате, несмотря на все старания гребцов убежать от надвигающейся стеной стихии. Сначала полил дождь, косой, сильный, нещадно бьющий по лицу, лупящий по телу. Я свернулась калачиком между бочек и натянула холщовое одеяло на самый нос. Мрак накрыл все вокруг как-то разом, черные волны уже каждую секунду стали захлёстывать палубу. Лодку так сильно шатало, что передвигаться по ней, стоя, оказалось невозможным. Все крались, пытаюсь хоть за что-то уцепиться и не выпасть за борт.

- В трюм живо! Давай! - воины торопливо начали отвязывать пленников, ругаясь себе под нос, и, разобравшись с путами, погнали их к небольшому люку, расположенному на корме нашего маленького корабля.

- И ты, ведьма! Давай, лезь! - какой-то дядька нетерпеливо хватает меня за локоть и тащит ко всем остальным пленникам, уже забившимся в крохотный трюм,- А то смоеет же! Давай, живей, не до тебя!

Я сажусь на край люка, в растерянности смотря вниз. Прыгать мне просто некуда - люди итак набились туда как селедки. В кромешной почти тьме сверкающие молнии то и дело выхватывают вспышками хмурые злые глаза, обращенные на меня.

- Я ...Может я лучше...

Начинаю было возражать, решая остаться наверху, но варрав не даёт мне шансов и, сильно толкнув кулаком в спину, просто сбрасывает вниз.

Я падаю на какого-то скрючившегося мужика, потому что стоять в полный рост здесь невозможно- слишком низко потолок. Пленник возмущенно перекидывает меня на завизжавшую от страха девушку. Та отшатывается от меня как от прокаженной и так сильно вжимается в стену, что мне даже находится свободный пяточок...

- Простите...извините...простите...- невнятно бормочу, потирая

ушибленные
грязном полу.

места и пристраиваясь на

Ответом мне служит сначала гнетущая тишина, а потом бессвязное бормотание всех пленников разом. Они начинают молиться. Нестройно, кто кому, но горячо и с душой. Поджимаю к себе колени, кладу на них подбородок. Стараюсь не думать о том, как сильно нас качает. Вспоминаю "Отче наш" и начинаю бормотать с ними заодно...Я не очень верю в Бога, но звук собственного голоса лучше, чем завывание ветра, шум обрушивающихся на нас волн, полные тревоги выкрики воинов и раскаты грома над самой головой. Всё, что угодно, лучше этого...Я устала бояться умереть. За последние сутки я слишком часто испытывала этот страх. И как же я устала...Мне кажется, я начинаю понимать солдат, кидающихся первыми в атаку... Так хотя бы адреналин перекроет этот липкий противный ужас,

поселяющийся в душе, пока ты отсиживаешься где-нибудь в кустах,
просто ждешь и на что-то надеешься...

Удары барабана, задающего темп гребцам, смолкают, и вместо них через минуту с палубы начинает доноситься какое-то очень странное монотонное пение. Невероятный звук, я ни разу не слышала ничего подобного. Высокий, вибрирующий, завораживающий, отдающийся дрожанием в груди. Все тело будто откликается, оживая, и стремится туда, ближе... Пленники вокруг как один тоже задирают головы к открытому над нашими головами люку и вслушиваются в странную песнь... И виднеющееся в проёме черное зловещее небо озаряется зеленоватым свечением....

Стоп, что? Свечение???

От неожиданности я подсакиваю и с размаху ударяюсь головой о потолок. Со стоном оседаю обратно на пол.

- Это что? - хриплю ошарашенно, потирая набухшую на макушке шишку и указывая пальцем на зеленую светящуюся дымку, висящую в воздухе и становящуюся всё плотнее с каждой секундой.

Пленники разом поворачивают головы ко мне и единодушно смотрят как на дуру. Меня вообще немного пугает синхронность их реакций...

- Колдовство, ведьма, что ж ещё,- цедит сквозь зубы один из мужчин, смотря на меня исподлобья, - Вместо того чтобы дуру из себя строить, помогла бы лучше ведьмаку ихнему. А то как Голову губить, так ума хватило, а как нас из лап разгневанного Морея вытащить, так хрен тебе...

- Из лап кого, простите? - уточняю, приподнимаясь.

Колдовство? Он сказал колдовство??? То есть...Это оно вот прямо настоящее? Не как у нас в "Битве экстрасенсов"???О-чу-меть...

- Морей - бог пучины. Совсем что ли дикая? - летит мне презрительное в спину.

- А-а- а, ясно. Ты поаккуратней... - рассеянно тяну я.

- ...С ведьмой- то разговаривай...- и замолкаю в шоке, выглянув из трюма.

Потому что в этот момент перед глазами моими предстаёт что-то невероятное. Седой толстый воин, ранее отбивающий ритм на барабанах для гребцов, сейчас поёт свою странную песнь, привязанный за пояс к мачте. Его глаза закрыты, на лице застыло отрешенное выражение. А из рук, возведенных к небу, льются зеленые невероятно яркие светящиеся нити и постепенно рассеиваются в пространстве мягким неоновым свечением.

У меня отпадает челюсть.

Нет, я точно сплю...

Я настолько шокирована увиденным, что даже стихающие только около нас ветер и волны не производят на меня уже никакого впечатления. Дождь, ставшим без ветра прямым, хлестко бьёт меня прямо по шишке на макушке, заливается в глаза и нос. Гребцы из последних сил быстро ворочают веслами, хриплыми криками подбадривая себя. А я всё стою и стою, высунувшись из люка и наблюдая за настоящим, твою мать, волшебством, творящимся прямо на моих глазах.

4

Буря ослабевает лишь к рассвету. Первые солнечные лучи вдруг прорываются сквозь окружающий нас плотной стеной мрак и рассеивают безысходную пугающую темноту. Ветер затихает, уже не разбивая волны с такой мощью о невидимую преграду вокруг корабля, созданную изможденным к этому времени Ульрихом. Дождь перестаёт так остервенело лупить по палубе, сменив грохот падающих капель на мерный монотонный шум, становящийся всё тише с каждой минутой.

В какой-то момент колдующий ведьмак резко опускает руки и безвольно повисает на веревке, привязывающей его к мачте. Невидимая защитная стена вокруг нас рушится в тот же миг. Порыв ледяного ветра бросает волосы мне в лицо, ладью начинает мотать от добравшихся до нас волн. Но сильная стихия уже позади, и даже мне, ничего не смыслящей в мореплавании, понятно, что смертельной опасности эта качка для нас не представляет.

Я, потирая сухие от усталости и бессонной ночи глаза, наблюдаю, как воины торопливо отвязывают бесчувственного Ульриха и укутывают в шкуры. Аккуратно укладывают под сымпровизированный навес. Один из варравов резко поднимает голову, бросая в мою

сторону тяжелый взгляд, и мне приходится быстро скрыться в трюме, чтобы не привлекать к себе излишнее внимание.

Последнее, что я успела заметить, была почему-то фигура гребущего позади посмотревшего на меня воина Хотборка. Его хмурое лицо с заострившимися от усталости чертами, разворот мерно напрягающихся при поднятии весла плеч, насквозь мокрая то ли от дождя, то ли от пота рубаха, облепившая жилистое тело... Я сворачиваюсь калачиком в пыльном углу трюма, закрываю глаза, уронив лоб на согнутые колени, а картинка гребущего Хотборка всё не желает исчезать из моей головы. Не знаю где я, но здесь есть настоящее волшебство - последняя связная мысль, промелькнувшая в

мозгу перед тем, как я наконец проваливаюсь в тяжелый вязкий сон, кажущийся освобождением.

***

- Живо, наверх! Давайте! По одному! Ну!

Резкие окрики прорываются в окутанное дремотой сознание, слишком грубо возвращая меня в реальность. Подскакиваю, испуганно озираясь по сторонам, и в первое мгновение судорожно пытаюсь понять, где я вообще нахожусь. Нос режет от стоящей вокруг затхлой сырости и уже почти привычного густого запаха чужого застарелого пота. На языке кислит из-за ароматов немых соседей по трюму. И шорох соломы недалеко от меня явственно намекает, что здесь водятся крысы...

Я брезгливо поджимаю под себя босые ступни, выглядывающие из-под подпаленной юбки. Господи, да что ж так не везет-то, а... Прикрываю глаза, беззвучно простонав...

- И ты, ведьма! - гаркает варрав над самой головой, заставляя меня неуклюже подняться, кривясь от побеговших жалящих мурашек по затекшим ногам.

Пригнувшись, ковыляю к открытому люку и, проигнорировав протянутую мне руку воина, я, подтянувшись, совсем не элегантно выползаю на палубу, напоминая самой себе распластавшегося по полу только что выловленного осьминога. Видимо, не только себе, потому как варрав, предлагавший мне помощь, посмеиваясь, отходит и оставляет меня, побряхтывающую и жмурящуюся от утреннего солнца, саму собирать себя в кучу после столь неудобной позы во сне.

На корабле творится настоящий бедлам. Шумно, суматошно и чувствуется, что радостно. Вокруг бодрые мужские голоса, ещё вчера, во время шторма, срывающиеся от тревоги. Низкий раскатистый смех. Снующие воины туда- сюда, таскающие сундуки, шкуры и бочки. И не только они... Проморгавшись и привыкнув к яркому солнцу, я понимаю,

что мы причалили уже к длинному деревянному пирсу, ведущему к скалистому берегу, и ладья полна не только воинов, с которыми мы вместе плыли, но и молодых, не виденных мною раньше парней, помогающих выгружать добычу. Все пленники, мои ночные так себе пахнущие товарищи по трюму, были уже согнаны в кучу около узкого накинутаго на борт деревянного трапа. Я вижу, как они спокойненько стоят и терпеливо ждут, пока два весело переговаривающихся между собой воина свяжут их в одну цепочку.

Я застываю в нерешительности, глядя на эту картину.
Мне тоже...туда?

Оглядываюсь по сторонам, но Хотборка, моего непосредственного "хозяина", нигде не видно. Остальные же воины мало обращают на меня внимание. Кто-то пару раз даже небрежно толкает, проходя мимо и таща очередной сундук. Уже связанных тем временем пленников гуськом заводят на трап.

Так...а я?

Кое-как поднимаюсь на своих затекших и никак не желающих отходить за ними. ногах и торопливо ковыляю

- Простите...эй...Конвоиры...Или кто вы там? Эй!!!

Не могу сказать, что я сильно привязалась к этим ароматным ребятам, но хоть какие-то знакомые, правда? И вроде как земляки... В моём положении это не так уж и мало...

- Стойте! - догоняю наконец процессию из плененных собратьев и требовательно дергаю одного из сопровождающих воинов за рукав.

- А я?

Мощный варрав медленно поворачивает ко мне голову, всем своим удивлен моей смелостью. видом показывая, насколько он

- Что ты? Ты -ярла, ведьма, - басит в свою белобрысую бороду недовольно.

-Хорошо, а ярл сам где?

Воин хмыкает, смотря на меня сверху вниз и кивает на причал.

- С невестой своей, где ж ему ещё быть после похода, - варрав похабно ржет, поглаживая усы.

Я перевожу взгляд с него на дощатый настил и непроизвольно хмурюсь, разглядев своего «хозяина», целующего в шею какую-то блондинку с косой до пояса, бритым левым виском, украшенным витиеватой татуировкой, боевым раскрасом, которому позавидовал бы

и Чингачгук, и с приличным таким, совсем не женским топором на поясе.

Так...

А это что? Моя теперь «хозяйка»???

Бьорк, словно почувствовав мой взгляд, резко вскидывает голову, переставая облизывать подставленную женскую шею, и быстро выискивает глазами меня в толпе. Щурится то ли от солнца, то ли от необходимости что-то со мной делать и небрежным жестом подзывает к себе. Настолько небрежным, что первая моя мысль - притвориться дурой и сделать вид, что не поняла. Но потом в памяти всплывают события последних пары суток, и я решаю, что я точно не в том положении, чтобы демонстрировать гордость и характер. По крайней мере пока... Надо хотя бы понять сначала, где я, что со мной, и как, черт побери, это исправить, а потом уже ерепениться... Ну, или вообще... Теперь уже никогда...

Тяжко вздохнув и чувствуя себя как минимум рабыней Изаурой, я покорно бреду к хмуро вззирающему на меня "хозяину" и его настороженно оглядывающей меня подружке. Учтиво торможу в паре шагов, раздумывая, надо ли кланяться. Решаю, что обойдутся, и

просто сцепляю ладони опущенных рук перед собой в знак покорности. Поднимаю ясный, незамутненный разумом взгляд на бесстрастное лицо Хотборка и замираю, делая вид, что не замечаю, как его разукрашенная под спецназовца невеста прожигает меня недобрыми голубыми глазами. Повисает тягостное молчание.

- Бьорк, ты уверен, что она тебе нужна? - с сомнением цедит дама с топором, разглядывая меня словно диковинное животное.

- Пока нет, - ярл равнодушно пожимает плечами, а потом добавляет задумчиво, - но Вейла сказала, что в походе я найду свою судьбу. Возможно...

- Возможно, ты нашел что-то не то или просто ослеп. Это всего лишь гадкая печерка, годная только в рабыни. Сам сказал, что она не смогла даже Ульриху помочь, а ветер усмирять может любая ведьма, - обрывает его блондинка раздраженно и показательно отворачивается от меня, будто я недостойна того, чтобы дольше обращать на меня внимание.

Меня так и подмывает поинтересоваться, почему она так завелась, уж не ревность ли это, но я вовремя прикусываю язык, скользнув взглядом по сверкающему топорнику у неё на бедре. Вместо этого быстро перевожу взгляд на ярла, проверяя, какой эффект произвели на него её слова. Хотборк, обнимая одной рукой за талию свою фурию-невесту, продолжает смотреть на меня с той же ленивой задумчивостью.

- Может не смогла, может не умеет, а может просто не захотела, -

парирует Бьорк, скользя по мне своими черными глазами.

- Так что может ты и права, Кира, а может и нет... - медленно добавляет он, почесывая свою короткую бородку, - Хочу послушать рыжую сначала, потом отвести её к Вейле. Посмотрим...

- Вейла ушла в горы к духам, - совсем другим тихим и обеспокоенным голосом произносит Кира, рассеянно глядя ярла по

рубахе.

- Давно? - Хотборк хмурится, метает в меня последний цепкий взгляд и отворачивается, переводя всё внимание на женщину, прижимающуюся к нему.

- Нет, два дня как, но никто не знает, когда вернётся, - она говорит и одновременно гладит его плечи, а мне вдруг нестерпимо хочется отвернуться.

Хотя бы отвести глаза. Что я и делаю. Опускаю взгляд себе под ноги, внимательно разглядывая дощатый настил, потом перевожу рассеянный взор на берег. Ну долго мне ещё рядом стоять, пока они обнимаются, интересно? Хотборк и эта Кира начинают переговариваться тише, о чем-то своём. Голоса садятся, приобретая интимную хрипотцу, и у меня вспыхивают щеки. Надеюсь, у них тут есть понятие стыда... Ну вот кто его знает, сейчас начнут... прямо здесь. А мне куда деваться? Усилим воли сосредотачиваюсь на раскинувшейся передо мной суше и с интересом начинаю разглядывать место, куда меня привезли.

Не знаю, материк это или остров, но небольшую долину, на которой расположилось поселение варравов, с трех сторон окружают неприступные черные скалы, уходящие под облака, испещренные внизу рукотворными террасами для земледелия и более светлыми змейками троп, созданных человеком. Сама же деревня просто огромная, раскинувшаяся вдоль всего побережья, и наверно здесь считается большим городом. Дома каменные, по большей части одноэтажные, длинные с маленькими тусклыми прорезями окон. Крыши дощатые прямые со спускающимися вниз деревянными желобами. Ближе к берегу строения плотно прилегают друг к другу, но дальше вверх по холмам видны большие одиноко стоящие дома, окруженные частоколами заборов, вспаханной землей и загонами с серыми жмущимися друг к другу овцами. Полотно почерневших крыш немного в отдалении от берега разрывает одна высокая башня посередине, украшенная на конце огромным отлитым из металла, напоминающего по виду бронзу, топором. Интересно, это их церковь?

- Кира!

Зычный окрик подходящего к нам грузного седого воина заставляет встрепепуться не только обнимающуюся рядом парочку, но

и меня. Высокий, статный, но с большим круглым животом, подпоясанным веревкой, с невероятно длинной, заплетенной в причудливую косу белой бородой и абсолютно лысый, мужчина останавливается подле меня, раздраженно сверкая глазами из-под нависающих серебристых бровей.

- Добра тебе, Ангус, - тянет Бьорк как-то совсем недобро и медленно убирает руку с талии блондинки.

- Желанной добычи, ярл, - буркает в усы седой и переводит прибивающий к земле взгляд на Киру.

- Не позорь меня, девка...- глухо шипит, подаваясь к ней всем своим грузным корпусом.

- У нас обряд через три луны! О каком позоре ты заикаешься, дядя! - моментально вспыхивает Кира, машинально хватаясь на блестящий топорик на своём поясе.

- Пока не получите слово конунга, не будет тебе обряда, а в свете последних дел...Кто возьмёт тебя, после того, как Хотборк лапал тебя на глазах у всех? - он замолкает, зажевав белый ус, и бросает на Бьорка тяжёлый взгляд.

Мой «хозяин» криво усмехается и показательно отступает от блондинки ещё на шаг. Поднимает руки вверх, будто и не думал её трогать. Кира издаёт протяжный раздраженный стон.

- Ангус Белый прав, Кира, иди, - Хотборк кивает невесте в направлении берега, отправляя от себя.

Старик, больше ничего не сказав, резко разворачивается на пятках и грузными быстрыми шагами направляется к берегу. Блондинка обиженно поджимает губы и плетется за ним. Хотборк смотрит им вслед с нечитаемым выражением на лице, а потом, словно опомнившись, оборачивается ко мне.

- Что стоишь, пошли ведьма, поговорить надобно.

Я покорно бреду следом за ярлом, украдкой разглядывая то его высокую фигуру, то место, в которое я попала. Попала...Я чувствую себя Алисой в стране чудес и не могу избавиться от ощущения, что вот сейчас дорогу мне перегородит безумный шляпник. Разве так бывает на самом деле? Что ты попадаешь в самый настоящий другой мир, лишь закрыв глаза. Может я умерла, и это чистилище? В книгах попаданки часто умирают...

- Посторонись! - какой-то дед с доверху нагруженной тачкой проезжается колесом по моей ноге, и я, взвизгнув от боли, резко выплываю из своих размышлений.

- Поаккуратней, Хельга,- хмыкает, не оборачиваясь, Бьорк,

шагающий передо мной, - в Унгарде лучше не зевать.

Я мямлю "спасибо, что предупредил", для себя запомнив, как называется поселение. Вокруг действительно шумно и людно. Сойдя с пирса, на котором Хотборк то и дело и останавливался, чтобы поприветствовать кого-то и крепко обняться, мы сворачиваем на широкую пыльную улицу, идущую вдоль берега, заставленного лодками. Людской гомон переплетается с криками чаек и шумом прибоя в одну нескончаемую какофонию. Запахи рыбы, потных тел и линялой одежды соприкасаются с чистым морским воздухом, рождая неповторимый густой аромат рыбацкой деревни. Мои босые ноги утопают в пыльном месиве дороги, в глазах рябит от непривычных одежд: мешкообразные льняные платья до пола всевозможных оттенков на женщинах, меховые накидки, хоть на улице и тепло, разнообразные передники. На мужчинах штаны и подпоясанные туники более сдержанных цветов. На многих - кожаные куртки простого кроя, не застегивающиеся на животе. И на всех - огромное

количество разнообразных татуировок. На лицах, шеях, руках. У некоторых, казалось, так вообще чистого места на теле не было, и страшно было представить, что же там творится под одеждой. Невольно перевожу любопытный взгляд на ярла, бодро шагающего передо мной. У него я видела только одну татуировку - змею на правом боку, уползающую под пояс льняных штанов. По сравнению с остальными варравами, это до неприличия мало. Интересно, почему? Боли боится? Или их тут за какие-то заслуги делают? Мой "хозяин" не заслужил?

- Сюда, - ярл сворачивает на узкую улочку, круто уходящую вверх по склону.

Размышлять мне становится некогда, потому что подниматься в гору, да еще босой с едва зажившими ступнями реально тяжело. Ко всему прочему Хотборк и не думает сбавлять шаг. Кажется, у него даже дыхание не меняется в отличие от меня, засопевшей как паровоз. Ещё один поворот, и мы неожиданно выходим на широкую шумную площадь, по периметру заставленную лавками торговцев, а в центре разорванную той самой башней с топором на верхушке. Под самой крышей башни расположена звонница, только вместо привычных мне колоколов здесь используют полые темные от времени трубки разного диаметра. За башней стоит большой единственный двухэтажный здесь дом, огибающий почти половину площади. Хотборк все тем же бодрым шагом, от которого у меня уже нещадно колет в боку, направляется именно к нему. Без стука широко распахивает дверь, из чего я заключаю, что дом - его. И исчезает в черном дверном проеме, словно в пасти диковинного животного. Мне ничего не остаётся, как нырнуть за ним.

Поначалу после яркого уличного солнца я с трудом могу разглядеть, где очутилась. Пахнет сеном, деревом, спёртым воздухом и костром... Моргаю, привыкая и с интересом озираясь по сторонам. Помещение оказывается огромным. Тем более по местным меркам. Большая темная вытянутая зала с бесконечными грубо сколоченными

столами вдоль стен и приставленными к ним лавками. В конце залы невысокий пьедестал с широким деревянным креслом, заваленным

шкурами. Освещения нет, лишь солнечные лучи, с трудом пробивающиеся сквозь мутные узкие окошки и рисующие пыльные линии в воздухе, да красные отблески затопленного в другом конце залы огромного с человеческий рост очага. Фигура ярла, присевшего у огня, на фоне яркого танцующего пламени кажется абсолютно черной и необъемной.словно вырезанной деталью в театре теней.

- Садись, Хельга,- он подзывает меня к себе нетерпеливым жестом, взмахнув рукой.

- Борга, не пускай пока никого,- совсем другим тоном кидает появившейся было в проеме двери, ведущей дальше в дом, полноватой женщине. Та, кивнув, тут же исчезает.

У меня начинают подрагивать колени. Так сильно, что я еле иду к Хотборку. С каждым шагом будто все сильнее вязну в дощатом полу. Когда все-таки преодолеваю расстояние между нами, ноги окончательно подкашиваются, и я плюхаюсь на скамейку напротив и замороженно смотрю, как отблески огня лижут смуглое лицо ярла. Как вспыхивают темными искрами его черные внимательные глаза. Мне сложно поверить, что от этого малопонятного мне человека сейчас зависит моя судьба. По спине ползет противный липкий холод, ладони потеют. Я перевожу взгляд на танцующий в очаге огонь, натягиваясь как струна.

- Что ж ты молчишь, Хельга? - хриловатый низкий голос Хотборка царапает нервы, - Вон уже и Борга ждет, чтобы забрать тебя. Вечно ей рук не хватает. Хочешь, вставай да сразу к ней иди. Только не знаю, долго ли выдержишься. Уже к вечеру весь Унсгард загудит, что ты ведьма...

Ярл криво улыбается, беря в руки кованый прут, и шевелит поленья, разбрызгивая во все стороны шипящие искры. И я невольно вспоминаю, что пятки мои шипели почти так же. Поджимаю босые ступни, облизываю вмиг пересохшие губы и с трудом выталкиваю из себя заготовленные слова.

- Я умею видеть будущее, ярл, - судорожно вдыхаю, набирая воздуха, чтобы продолжить.

Я долго думала, пока мы плыли, и пришла к выводу, что в их темные времена провидицы должны быть в цене, а проверить, правда ли я местная Ванга, Бьорку будет сложнее всего. Это же не фокусы с зеленоватым свечением из ладоней, как у Ульриха.

-Но я не ведьма. Не такая, как ваш ведьмак, заговаривающий ветер, - уточняю дрожащим от волнения голосом, - Так я не умею, прости.

На секунду жмурюсь и осторожно поднимаю глаза на молчащего Хотборка в ожидании его реакции. Господи, хоть бы ярлу этого было достаточно.

-Что ж, - медленно тянет ярл, щурясь, - Честно говоря, в первый раз слышу, чтобы Вейла могла только приподнимать завесу грядущего, не умея ничего больше...

-Вейла? - тупо переспрашиваю я. Он ведь со своей невестой о какой-то Вейле говорил. Я подумала, что это имя.

- Да, дочь богини Серого мира, ткащей нашу реальность. Суровая мать, Вель, делится со своими дочерьми ниточками знаний из полотна вечности. Они часть неё, и поэтому каждая, способная прикоснуться к ниткам Вель, Вейла, - он поджимает губы и подается ко мне ближе, вскидывая брови и упор смотря в глаза, - Так ты Вейла, Хельга?

Горло сковывает спазмом. Хотборк смотрит так ласково, будто говорит: " Не бойся сказать мне правду. Не бойся. За правду я тебе ничего не сделаю. За ложь сделаю. И гораздо больше, чем ты можешь представить..."

Но он сделает. Сделает и за правду, поэтому мне придется стоять на своём до конца. По крайней мере я смогу выиграть время и может быть бежать. Только вот куда...Чёрт.

- У нас это так не называлось...- вслух бормочу непослушными губами, стараясь твердо выдерживать препарирующий взгляд чёрных глаз.

- А как называлось? - вкрадчиво спрашивает Хотборк.
Я сглатываю.

- Убогая, ведьма...Много как...Вейлы не было...

Он хмыкает, досадливо трёт переносицу, прикрыв глаза, и наконец отворачивая лицо к огню. Облегченно выдыхаю. Когда ярл не сверлит меня своими душевыворачивающими глазами - врать гораздо легче.

- А почему обвинили в смерти Головы? - интересуется Хотборк.

- Я её предсказала,- пожимаю плечами, - А сородичи решили, что прокляла.

- А они разве не знали про твой дар? - Хотборк косится с явным сомнением.

- Я-я...- боже, как это сложно- придумывать, когда так мало вводных, - Я всегда предсказывала какие-то несчастья. Так получалось. Мор там, голод...

Облизываю губы и вдохновенно продолжаю.

- А они винили меня, будто это именно я постоянно кликаю беду.

Голова стал последней каплей.

Повисает пауза, а потом Бьорк медленно кивает, не смотря на меня. В груди становится легко-легко от пузырьками схлопывающейся радости. Кажется, поверил!

- А мне что предскажешь? - ярл криво улыбается, задумчиво смотря на огонь,- Я бы многое отдал за то, чтобы увидеть нить своего пути. Тем более сейчас...

В его голосе мне чудится тоскливая обреченность, ознобом прокатившаяся вдоль позвоночника. Ежусь и аккуратно отвечаю.

- Богиня Вель, как ты говоришь, посылает мне видения. Я не могу их выбрать, ярл. Только рассказать...

- И часто у тебя видения? - голос варрава моментально звякает раздражением. И мне становится страшно, что сейчас он решит, что пользы от меня никакой...

- Не очень,- глухо отвечаю, смотря на свои сложенные на коленях руки.

Ярл хлопает себя по бёдрам и резко встаёт. Я поднимаю голову, чтобы проследить за ним и с тихим испуганным всхлипом замираю, потому что Хотборк вдруг перехватывает пальцами мой подбородок, жестко фиксируя, и наклоняется так близко, что его черные гипнотические глаза начинают двоиться, а горячее дыхание, наполненное нотками кедра, обжигает моё лицо.

- Как удобно, да, Хель? - низкий голос полон угрозы, от которой меня буквально парализует,- И ведь не проверишь твои бредни...Поиграть решила, печорка? Зря. Я - проклятый ярл, меня боится сам конунг. И не зря боится, Хель, не зря...И тебе бы стоило...

Он отпускает мою челюсть, оттолкнув от себя так, что я чуть не делаю сальто с лавки. Черные глаза мерцают опасным огнем.

- Что ж, скоро старая Вейла придет. От нее тебе не утаить правду, печорка. А пока...Будешь жить в работном доме, отдам тебя Борге. За жизнь не переживай- не тронут. За честь...

Он окидывает мою фигуру оценивающим снисходительным взглядом.

- Постарайся не улыбаться на пиру сегодняшний раз. Авось и пронесет...Зубы у тебя хорошие, все на месте.

- Пошли, - грузная женщина лет сорока на вид подходит ко мне,

нетерпеливо вытирая руки о мокрый передник, - Ну, что? Вставай! Пир на носу, работы невпроворот, а она расслаживается!

Я провожаю тоскливым взглядом исчезающую в дверном проёме высокую фигуру ярла и покорно поднимаюсь с деревянной лавки. Я не знаю, что именно сказал Борге Хотборк обо мне, когда шептался с ней сейчас, чуть отойдя в сторонку, но то, что служанка меня и не думает бояться, как воины на ладье, было очевидно.

Больше ничего не добавив, женщина, несмотря на свои внушительные габариты, стремительно шагает к дальней неприметной двери в конце зала, из которой и появилась пару минут назад. Мне приходится чуть ли не бежать, чтобы поспеть за ней.

- Я - Борга Магнусен, - домоправительница ярла Хотборка, - сообщает мне женщина, не потрудившись обернуться, - А значит после хозяина главное лицо для тебя, печорка. Это ясно?

Тут она резко тормозит и распаивает передо мной дверь. Её почти прозрачные слегка на выкате глаза впиваются в меня подобно гарпунам, толстые губы поджимаются в злую линию. Я неуверенно киваю, показывая, что мне ясно. Она, удовлетворенно хмыкнув, отворачивается.

- Будешь расторопной и тихой- поймешь, как повезло тебе попасть в столь изобильный дом, дикая. Но не дай боги, тебе меня злить...- и мне чудятся в голосе домоправительницы злорадные нотки, - Высеку, поняла?

И снова чуть притормаживает, но уже не оборачиваясь. Поэтому мне приходится подать голос и выдавить из себя "ага".

Мы ступаем в темный узкий коридорчик, минуем ещё одну дверь, и меня тут же сбивает с ног стоящие здесь галдеж, жара, пар и миллион смешавшихся между собой запахов. Кухня. Большая и темная, забитая людьми под завязку, с несколькими очагами вдоль стены, с большим столом посередине, растянутым на всё помещение, заваленным горой разных продуктов.

- Уна, тебе привела, забирай! - Борга толкает меня в спину к какой-то старушке в углу, ошипывающей гуся, - Помощница...

Я неловко переступаю с ноги на ногу, с легким ужасом взирая на наполовину лысый труп птицы в руках кухарки. Э-э-э...Я так-то городская...

-Ох, давно пора, - всплескивает красными воспалёнными руками старуха и пихает мне несчастного гуся прямо в грудь.

К горлу подкатывает вязкая дурнота. В нос лезет запах сырой

птичьей кожи и перьев. Хочется отпрыгнуть подальше, но в реальности ничего не остаётся, как только принять наполовину ошипанную дохлую тушу.

- Садись, - Уна встаёт со своей низкой табуреточки, - А я пока потрошками займусь.

При упоминании потрошков я как-то разом веселею. В конце концов, перышки выдирать - не самое страшное. И опускаюсь на табурет.

- Сегодня тут поможешь, печорка, - деловитым тоном вещает над моей головой Борга, пока я кручу в руках гуся, не зная, с какой стороны к нему подступиться. Аккуратно дергаю перышко и зачарованно рассматриваю его, - А вообще поставлю тебя дом мести да мыть. Как раз Бри, этим ведущая, второго дня померла.

Я вздрагиваю от излишне будничного тона домоправительницы, так не вяжущегося со смыслом её слов, и кошусь на продолжающую быстро вводить меня в курс дела женщину.

- Вот и настил её в женской займешь, - Борга энергично потирает руки, видимо, довольная, что не надо думать, куда меня отправлять спать, - Вечером покажу твоё место. Сейчас все равно рано тебе отдыхать. И Уну слушайся, печорка, Помни...

Толстый палец Борги назидательно взлетает вверх.

- Розги у меня всегда наготове, девочка...

Я сглатываю, киваю и утыкаюсь взглядом в несчастного гуся на моих коленях. Борга, больше не обращая на меня внимание, начинает зычно раздавать указания, поторапливая итак суетящихся как муравьи красных от духоты, замученных служанок. В носу стоит запах вареного мяса, лука, чадящих очагов и кисловатых потных тел.

С неожиданно накатившей злостью вырываю клоч пуха из гуся. Руки дрожат от сдерживаемых эмоций. И вот это теперь моя жизнь? Вот это? Это долбаный ярл называет "я пока о тебе позабочусь"? Я грязная, вонючая, босая, лохматая, вся чешусь и сию посреди каких-то варваров на огромной кухне своего "хозяина" с трупом птицы в руках. Если бы Хотборк спросил у меня про свою судьбу сейчас, я бы с удовольствием рассказала ему что-нибудь про медленную унижительную смерть.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://litnet.com/ru/book/dobycha-yarla-borka-b346947>